

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Кан Ш. Досуговые практики в городской жизни Порт-Артура (1898–1904 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.7.75151 EDN: KOMKTR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75151

Досуговые практики в городской жизни Порт-Артура (1898–1904 гг.)

Кан Шисинь

ORCID: 0009-0002-1441-8048

аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, Ломоносовский пр-кт, д. 27 к. 4

✉ lililiang123@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.7.75151

EDN:

KOMKTR

Дата направления статьи в редакцию:

14-07-2025

Аннотация: В данной статье исследуется социокультурная трансформация города Порт-Артур (Люйшунь) в период российской аренды с 1898 до 1904 гг. Анализ осуществляется через призму досуговых практик городского населения. Центральным предметом исследования выступают в качестве ключевых аспектов городской повседневности и развлечений следующие явления: потребление алкоголя; развитие ресторанных бизнеса, в частности ключевые заведения, их клиентура и роль в общественной жизни; функционирование военных клубов и организация светских мероприятий; развитие театральной жизни; а также активное развитие и специфика секс-индустрии. Автор рассматривает, как скуча, тоска по родине и духовный вакuum гарнизонной жизни в условиях изолированного колониального анклава стимулировали формирование индустрии развлечений и специфических моделей потребления, выступая катализатором процессов урбанизации и трансформации городского пространства. Исследование основано на анализе фонда АВП РИ, периодики («Новый Край» – ключевая хроника) и мемуаров современников. Для интерпретации данных и выявления тенденций использованы сравнительно-исторический метод и историко-научный анализ. Автор

также провел полевую работу в Люйшуне для сбора локальных сведений. Введение в оборот новых материалов о русском досуге в Порт-Артуре (1898–1904 гг.), пополняя содержание в истории «русского» Квантуна. Впервые комплексно исследована роль досуга как фактора урбанизации колониального города. Основные выводы в том, что во-первых, синтез русской потребительской культуры с локальными элементами создал уникальную городскую среду. Во-вторых, досуг (особенно массовое потребление алкоголя), стимулированный тоской и скучой гарнизона, стал катализатором развития индустрии развлечений и трансформации пространства. В-третьих, развитие отражало противоречия колониальной урбанизации: социальная сегрегация детерминировала сегрегацию досуга; попытки репликации столичных моделей (театр) наталкивались на изоляцию; регулирование секс-индустрии обнажало социально-экономические противоречия. Порт-Артур – характерный пример сложной траектории развития дальневосточных городов в рамках российской имперской политики.

Ключевые слова:

Порт-Артур, Люйшунь, Дальний Восток, Квантунская область, городская жизнь, ресторанная жизнь, театральная жизнь, сексуальные услуги, досуговые практики, потребление алкоголя

Порт-Артур в период Российской аренды быстро урбанизировался: формировался европейский Новый город, развивалась городская инфраструктура и одновременно проходили процессы в сфере культуры. Эти процессы были сходны с тем, что проходило в Российской провинции на рубеже XIX–XX веков, но безусловно, жизнь в Порт-Артуре отличалась спецификой колониального города.

В дореволюционный и советский периоды российская историография концентрировала внимание на изучении военной истории Порт-Артура, при этом анализ и интерпретация событий Русско-японской войны 1904–1905 гг. являлись ключевой темой данных исследований. Качественный прорыв в изучении истории собственно Порт-Артура произошёл в постсоветский период. С 1990-х гг. В.Г. Дацышен начал формировать новое направление социальной истории «русского» Квантуна [\[5\]](#). Среди исследователей в этой области также необходимо упомянуть Д.Б. Павлова и И.В. Лукоянова. Они достигли значительных результатов в колониальных исследованиях Порт-Артура: не только опубликовали множество научных статей на эту тему, но и совместно составили сборник источников по истории города [\[23\]](#). Особенno обратить внимание на монографию А.В. Лысева [\[12\]](#), где в центре внимания являются условия проживания, питания, обмундирования, проведения досуга участников обороны Порт-Артура в 1904 г., а также жизнь самого города.

Кроме того, в настоящее время большое внимание историки уделяют городской повседневности и, в частности, досугу в провинциальных городах [\[4\]](#); [\[10\]](#); [\[14\]](#).

Данная статья посвящена повседневной жизни населения Порт-Артура в период 1898–1904 годов, особенно его развлечениям и досугу. На данный момент ни один из вышеперечисленных исследователей не обратился к истории урбанизации Порт-Артура и, в частности, к роли досуговых практик в этом процессе. Между тем они стали катализатором трансформации городского пространства через формирование современных форм потребления. Источниками изучения быта жителей Порт-Артура

явились мемуары, публицистика и информация из газеты «Новый Край».

Тоска по родине

«Тоска по родине — это яд, отравляющий здесь, на окраине, все существование приезжих людей. Тоска по родине — это беспрерывное, всепоглощающее страдание, затмевающее в одержимом им все желания, помыслы, чувства» [31. С. 221], — писал Давид Ильич Шрейдер, путешествуя по Дальнему Востоку в конце XIX века.

Порт-артурский гарнизон, ставший в 1898 году военно-морской базой России на территории Китая, оказался третьим по географической удаленности от столицы городом империи, уступая в этом отношении только Петропавловску и Владивостоку. Однообразные будни военной службы, изоляция от внешнего мира, трудности адаптации к местным условиям и тоска по Родине подтачивали моральный дух военнослужащих.

Вспоминая о своей жизни в Порт-Артуре, подполковник В.А. Мустафин отмечал, что «жизнь первых колонистов была и скучная, и тяжелая» [17. Л. 87]. Сходные изложения обнаруживают параллели в нарративах других авторов. Один из военнослужащих того времени также описал эту ситуацию: «Скука, скука и опять скука, которую господа офицеры усердно разбавляли водкой, пивом и дешевым вином, а нижние чины вино заменяли квасом; причем господа офицеры предпочтительно боролись со скукой в Офицерском собрании, только в виде исключения в местном европейском ресторане, а нижние чины преимущественно пьянизовали в грязных, захолустных кабаках и только в исключительном случае — в солдатском буфете или в чайной» [9. С. 25]. Несмотря на строгие предписания и наказания, применяемые в арестных домах в Порт-Артуре за злоупотребление алкогольными напитками, уровень пьянства среди армейских чинов достигал значительных масштабов [18. С. 16].

Порт-Артур не страдал от недостатка алкоголя. В газете «Новый Край» можно легко найти его рекламу. В апреле 1900 года в Порт-Артуре был открыт оптовый склад вина и спирта В.К. Якобсона, а спустя 6 месяцев открылся второй склад Товарищества И.И. Харламова [22. С. 13]. Дефицит чистой питьевой воды также побуждал жителей Порт-Артура к неумеренному потреблению таких напитков, как пиво и квас (1). Примечательно, что недостатка в алкогольных напитках не было даже во время осады [18. С. 107]. В Порт-Артуре продавались пиво «Шлитц», шампанское «Мум» и «Редерер» [32. С. 1], «водки, наливки и ликеры» П.А. Смирнова [24. С. 1]. Военнослужащие называли их «мумчиком», «редерерчиком» и «смирновкой» [13. С. 3].

Благодаря порто-франко вина здесь были очень дешевые: лучшее шампанское продавалось по 3 рубля за бутылку, а если взять ящик, то бутылка обходилась в 2 р. 90 коп., ром ямайский — 1 руб. 25 коп. за бутылку, а пиво от 40 до 50 копеек за бутылку [7. С. 194–195]. Во второй половине 1901 года цена местного вина (водки) составляла 4 рубля 50 копеек за ведро, а спирта — 6 рублей за ведро (2). «Смирновка» продавалась по той же цене, что и в России, с той разницей, что в России всюду продавалась «монополька» (казенная водка) и «смирновки» во многих местах было не достать, а в Порт-Артуре наоборот [7. С. 194]. Порт-артурцы вспоминали «гору ящиков изделий “Петра Смирнова”, которая величественно красовалась у вокзала [...] и служила как бы триумфальной аркой при въезде в Старый город» [18. С. 108].

Что касается китайской водки «шаоцзю» (3) или «сули», русские мемуаристы вспоминали, что запах у нее был отвратительный и резкий. Китайские мелочные лавочки продавали спирт бутылками [22. С. 13]. Офицер А.В. Верещагин вспоминал, что русские офицеры «ее не пьют, казаки же и солдаты ею не брезгают. Некоторые так ее полюбили,

что даже предпочитали русской водке [...]» [3. С. 92]. По сравнению с русскими алкоголем туземцы не особенно любили, на улице Квантуня встретить пьяного китайца было большой редкостью [29. С. 230]. Кроме того, в гарнизонном собрании можно было получить обед и ужин за 18 рублей в месяц, а в полковых ресторанах обеды стоили от 25 до 30 рублей в месяц [7. С. 196].

В Порт-Артуре старейшим рестораном был «Саратов», расположенный на набережной в Старом городе, прямо против выхода на рейд. Это было наиболее оживленное место города. Этот ресторан в недолгое время фактически заменял собой офицерский клуб. Журналист Николай Иванович Кравченко, побывавший в Порт-Артуре в 1904 году, отметил, что неплохое качество питания в данном ресторане не отличалось высокой ценой, что позволяло большинству жителей Порт-Артура считать ресторан «Саратов» аналогом «Палкина» (4) [8. С. 100–101, 156].

Другой ресторан, «Кронштадт», принимал заказы на обеды на свадьбы, балы, вечера, освящение зданий, праздники воинских частей и пр. Обед можно было устроить в ресторане, а можно было заказать кушания с доставкой [28. С. 3]. Предприниматель Исидор Никобадзе содержал в Артуре популярный отель и ресторан «Звездочка» в Новом городе (5).

Рис.1. Ресторан Никобадзе в Порт-Артуре.

Источник: Из собственной коллекции. URL: https://m.vk.com/wall-210777285_3078 (дата обращения: 01.04.2025)

Кроме того, в период русского правления в Порт-Артуре китаец Юй Дэцзи (кит. 于德吉) с партнерами создал в центре Нового города ресторан «Тайфэнлоу (кит. 泰丰楼)», который размещался в двухэтажном кирпичном строении. На первом этаже обслуживались посетители, на втором этаже были расположены отдельные кабинеты. Ресторан был богато украшен, мебель изготовлена из роскошного палисандра, это был самый большой китайский ресторан в Порт-Артуре (6).

Эти рестораны, несомненно, являлись удобными местами для проведения офицерского досуга в Порт-Артуре. Вечером в них собирались оживленные компании, здесь лилось шампанское и сверкали бриллианты. Корреспондент лондонской газеты «Дейли Мэйл» Бенджамен Вегнер Норрегоард писал: «Русский офицер, без сомнения, скрупульностью не отличается. Раз у него завелись деньги, он тратит их щедро. Устав от скучной и

надоедливой жизни на фортах и аванпостах, он стремится, когда получит свое жалование, в город и швыряет деньги в течении нескольких безумных часов, пока последний рубль не выброшен из кошелька; с легким сердцем и тяжелою головой он после кутежа возвращается к своим скучным обязанностям» [19. С. 14] (7).

Культурный досуг

Развитие индустрии развлечений стало прямым отражением экономических и культурных преобразований в городе.

Для высших чинов развлекательная жизнь была богаче, чем для низших. Для высшего офицерства устраивались балы. Д.Г. Янчевецкий описал бал в доме вице-адмирала Е.И. Алексеева в Порт-Артуре в 1900 году: «Главным начальником края были приглашены на бал все кают-компании и офицеры всех частей с их супругами, представители гражданских, городских и коммерческих учреждений и др. Зал, гостиная и буфет блестали электричеством. [...] Молодежь танцевала с увлечением. Не танцующие [...] разместились в гостиной и буфете, где прохладжающие напитки, вино и шампанское лились тропическим ливнем [...]. Тихая ночь, сад, усыпанный звездами электрических огней, гуляющие нарядные пары, звуки музыки, разнообразное общество, общее оживление и веселье» [33. С. 4–5]. По словам Г. Козьмина, на подобных балах демонстрировались самые последние моды Парижа, «для чего были опустошены все магазины Порт-Артура» [7. С. 200].

В честь важных праздников (день коронования императора и день занятия города) в Порт-Артуре проводились также грандиозные военные парады. 14 (26) мая 1899 года, в годовщину коронования императора Николая II, в новой церкви города было совершено богослужение, после которого на площади состоялся парад. Поздоровавшись и обойдя ряды, начальник полуострова Субботич провозгласил в честь государя императора и государыни Александры Феодоровны клич «Ура!», который был молодецки подхвачен парадирующими частями под звуки национального гимна. Затем войска прошли церемониальным маршем [\[15\]](#).

Деятели литературы и искусства из России также направлялись на Ляодунский полуостров для проведения концертов в поддержку войск. В 1901 году смешанный хор «Славянская капелла» посетил Владивосток, Дальний и Порт-Артур [6. С. 32]. Третий концерт, состоявшийся 14 (27) октября под управлением М.Д. Агреневой-Славянской в Порт-Артуре, получил благоприятный отзыв [30. С. 685]. Летом на Николаевском бульваре три раза в неделю выступал хор военной музыки. В зимнее время бывали танцевальные вечера в военном и морском собраниях [1. Л. 99 об].

Важное место в жизни Порт-Артура играл театр, и, по свидетельству современников, Владивосток и Порт-Артур были театральным оплотом всего дальневосточного края [27. С. 171]. Строительство Китайско-Восточной железной дороги способствовало развитию Порт-Артура и росту его населения, что создавало благоприятные условия для бизнеса [25. С. 137]. Культурные запросы образованные части населения и проницательные предприниматели незамедлительно отреагировали на открывающиеся коммерческие возможности. В этих условиях Порт-Артур представлял собой весьма благоприятную среду для антрепренеров, и при проведении выступлений четыре раза в неделю можно было зарабатывать в среднем от 500 до 600 рублей [27. С. 310].

К.П. Мирославский был первым, кто решил вести театральное дело на Дальнем Востоке [25. С. 137]. В 1902 году он открыл театральный сезон «довольно хорошей для Порт-Артура опереткой при сравнительно скромном бюджете, что-то около семи тысяч». Затем

он также расширил свое влияние на другие города, такие как Харбин, Хабаровск и Благовещенск [27. С. 310], а также управлял театрами в Дальнем, Ляояне и Мукдене [26. С. 171].

Хотя антрепренеры пытались воспроизвести культурную модель столицы в приграничной военной крепости Порт-Артура, их ограничивали материальные возможности: Порт-Артур находился так далеко от многонаселенной европейской части России, условия жизни были настолько тяжелыми, а население таким малочисленным, что создать там профессиональную театральную труппу было сложно, и антрепренеру приходилось ездить в Москву или Петербург, чтобы набрать артистов [25. С. 138]. Актерам, которых выбирали после долгих мытарств, несмотря на обещание большого жалованья, приходилось терпеть долгие переезды в Квантун и слухи о том, что путь через границу «Маньчжурии» небезопасен [2. С. 432].

В театральный сезон 1902–1903 годов антрепренер К.П. Мирославский предпринял попытку реорганизации опереточной труппы, поручив режиссёру А.Н. Солину осуществить новый набор артистов. Однако состав труппы значительно уступал по профессиональному уровню предыдущему сезону. Кадровый дисбаланс, вызванный отсутствием ведущих солистов, привёл к художественной деградации репертуара. Несмотря на то, что в первое время посещаемость была высокой, затем сборы упали до минимума.

Неожиданный пожар окончательно завершил неудачное дело театра. Генерал-адъютант Е.И. Алексеев оказал помочь Мирославскому и санкционировал выделение экстренной субсидии в размере 7 тыс. рублей из фондов Квантунского областного правления. Кроме того, для покрытия убытков, понесённых во время пожара театра, была предоставлена личная финансовая помощь в размере 16 тысяч рублей от императора Николая II, пожертвованная антрепренеру и труппе [27. С. 310]. Это считалось «монаршей милостью», но фактически отражало стратегию символической поддержки «культурной миссии» на окраинах империи.

На полученные средства был реконструирован китайский театр Тифонтая, ранее принадлежавший знатному китайцу, однако его дела не улучшились. Театр располагался далеко от центра города, что создавало дополнительные неудобства. Сезон завершился полным крахом, и Мирославский, расплатившись с труппой, прекратил дальнейшие постановки опереточных спектаклей [27. С. 310; 20. С. 122].

В начале 1904 года слухи о возможной войне всё сильнее держали в напряжении жителей Порт-Артура, из-за чего люди окончательно утратили интерес к посещению театров и увеселительных заведений. Корреспондент газеты «Русского Инвалида» писал из Порт-Артура: «Интересы внутренней и внешней политики настолько заполняют умы местного населения, что нет времени и желания посещать театр или цирк» [20. С. 122]. Это в некоторой степени предвещало упадок театральной индустрии в Порт-Артуре. Согласно воспоминаниям актрисы Ф. Баскаковой, жившей в Порт-Артуре, спектакль «Мёртвые души», запланированный к показу вечером 27 января (9 февраля) 1904 года, не состоялся: в ту же ночь японские войска подвергли Порт-Артур бомбардировке [2. С. 432]. Эвакуация актёров после начала войны знаменовала конец театральной жизни в Порт-Артуре.

Кроме театра, для развлечения были организованы несколько клубов и обществ, такие как теннис-клуб и скаковое общество. Теннисный клуб был небольшим. Площадок для игры в теннис было две, и обе удобные. В самом помещении клуба имелась комната для

игры в карты [16]. В члены теннисного клуба принимались без баллотировки лица, обладавшие правом входа в военное и морское собрания. Членский взнос составлял 4 рубля за полугодие. А членский взнос скакового общества — 12 рублей в год [21. С. 74].

В начале 1901 года энтузиасты предложили создать в Порт-Артуре музей. По мысли ходатайствующих, музей должен был способствовать более глубокому пониманию и знанию Китая среди русского населения, а также выставить и продемонстрировать трофеи, накопленные во время похода 1901–1902 годов в Китае, как свидетельство истории страны. На основании этой инициативы 3 (16) марта 1901 года был создан комитет по устройству музея. Главной обязанностью комитета было планирование места, финансирование и сбор коллекций для будущего музея. По итогам обсуждения комитет решил разместить музей в Новом городе. В 1901 году комитету удалось собрать добровольные пожертвования в размере 8122 рублей и 47 копеек [1. Л. 98 об.–99], что обеспечило необходимую финансовую поддержку для первоначального строительства музея. Однако устройство музея также не было завершено из-за Русско-японской войны.

Сексуальные услуги

Если театры, клубы, рестораны и другие места служили «легальными» площадками для жителей Порт-Артура, то параллельно с этим в городе стремительно развивались теневые сторонние жизни и непосредственно связанная с физиологическими потребностями мужского населения города.

Во времена правления династии Цин в Люйшуне, использовавшемся исключительно как военная база, не только вблизи казарм, но и в самом городе располагались публичные дома. В период российской аренды Порт-Артура число женщин, занимающихся проституцией, только увеличилось.

Одной из причин существования публичных домов было необходимость регулирования проституции в городе. Например, чтобы удержать китайских чернорабочих, русские создали на Квантуне как театры, так и публичные дома, в которые работали девушки из Японии.

Публичные дома были прибыльным местом. Во второй половине XIX в. — первой половине XX в. японским правительством торговля проститутками за границей использовалась как средство получения иностранной валюты [36] (8). На Российском Дальнем Востоке на рубеже веков существовало много японских публичных домов. Так, в 1903 году во Владивостоке их было 18, в Хабаровске — 8. До начала войны в Порт-Артуре была масса публичных домов, преимущественно японских [18. С. 81] (9).

Японские работницы публичных домов за границей получили специальное название — «Караюки-сан» (10). В Порт-Артуре японские проститутки пользовались большей популярностью, чем китаянки [7. С. 191].

Что касается источника этих проституток ямато, нередки были случаи, когда молодых японок обманывали члены организованных преступных группировок, предлагавшие совсем иную работу за границей. В 1901 году главный начальник Квантунской области Е.И. Алексеев в отчете писал, что «японское правительство принимает строгие меры для прекращения выезда японок в соседние с их отечеством страны для проституции, и за последнее время стало выдавать женщинам моложе тридцати пяти лет паспорта на выезд из Японии лишь в случаях получения ими вне родины определенных занятий и представления от нанимателей их удостоверений о том» [1. Л. 63 об.]. Но торговлю

японскими женщинами за границу было трудно искоренить, так как экономическая выгода от этой преступной деятельности была чрезвычайно высока. Независимо от того, куда вывозились женщины — в Гонконг, Сингапур, Шанхай, Владивосток и т. д., — цена за одну японку могла достигать 500 иен, и такая высокая прибыль служила мощной движущей силой для продолжения преступной деятельности.

«Закон о защите иммигрантов», принятый японским правительством в 1896 году для японцев, работающих за границей, предусматривал, что работа японских женщин за границей ограничивается приготовлением пищи, прислугой и т.д.. Таким образом, если японка занималась проституцией за границей, она не была защищена законом. Этот закон, однако, в то время не распространялся на Китай и Корею, поэтому владельцы публичных домов могли безнаказанно перевозить туда японских женщин или использовать эти страны как транзитные пункты для переправки женщин в другие места.

Однако городские власти не могли относиться к работе домов терпимости в городе безразлично и позволять им бесконтрольно расширяться. В XIX веке потребности общественного здравоохранения стали «оправданием для ограничения деятельности проституток и контроля над ними» [34. Р. 140]. Городское регулирование проституции в Российской империи было возложено на Министерство внутренних дел, однако структура самого регулирования оставалась на усмотрение местных властей [34. Р. 145].

Среди проституток Порт-Артура имела место определенная классификация, основанная на социальном статусе клиентов, пользовавшихся их услугами. Б.М. Лобач-Жученко по данному вопросу признавал, что «контингент проституток “для простого народа” пополняется исключительно женщинами желтой расы, так как “белые” по карману только “господам”» [11. С. 18]. Очевидно, что претензии Запада XIX и начала XX века на «регулирование проституции приобрели расистский характер, когда были перенесены в колонии» [35. Р. 6].

Вывод

В период российской аренды Порт-Артур быстро развивался, и становился оживленным, динамичным городом.

В ходе урбанизации досуговые практики стали катализатором трансформации городского пространства через формирование различных форм потребления. Тоска по родине и скука гарнизонной жизни стали одной из причин роста потребления алкоголя. Этот общий психологический механизм со временем превратился в фактор, который способствовал развитию индустрии развлечений и потребительской культуры. Всё это постепенно влияло на облик города — как в пространственном, так и в культурном плане.

В то же время нельзя отрицать, что городское развитие Порт-Артура в период российского правления также отражает сложный процесс урбанизации в колониальном контексте. На уровне городского управления власти пытались поддерживать социальный порядок и экономический контроль, регулируя индустрию проституции, однако масштабы индустрии проституции отражали противоречия социально-экономической структуры, характерной для колониального города.

В результате чего городская пространственная культура в Порт-Артуре постепенно становилась все более сложной и разнообразной. Формы досуга в исследуемом контексте в целом реплицировали модели, характерные для городских центров Российской империи. Однако их специфика определялась двумя ключевыми факторами:

доминированием военного контингента и присутствием значительной доли коренного населения. В связи с этим следует выделить следующие характерные черты Порт-Артура. Во-первых, при численности населения, превышавшей 40 тысяч человек, Порт-Артур являлся большим городским центром на Дальнем Востоке, одновременно относясь к категории средних городов в общеимперском масштабе. Во-вторых, городское население было подвергнуто строгой социальной сегрегации по линиям: офицерский состав / нижние чины; российские подданные / коренное население; от части военные / гражданские лица. Эта структурированность социального пространства неизбежно детерминировала сегрегацию досуговых практик. В-третьих, географическая изоляция способствовала распространению тоски по метрополии и компенсаторного потребления алкоголя во всех социальных стратах, при этом качество алкогольных напитков было иерархизировано в соответствии со статусом потребителя. Последний фактор о том, что удаленность от центра империи создавала существенные трудности в поддержании уровня развития и комфорта, характерного даже для обычного провинциального города.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Подобные явления отмечались, например, в Германии 1870-х годов, где вода в городах была загрязнена, неприятная на вкус и небезопасная, а чай и кофе были роскошью, бедные местные рабочие предпочитали пиво, которое было, помимо прочего, питательным напитком. См.: Abrams L. Workers' Culture in Imperial Germany: Leisure and Recreation in the Rhineland and Westphalia. NY., 1992. P. 64.

(2) Нужно заметить, что местный спирт в розливе и оптовой продаже (в бочках) не разливался и не продавался ниже 95° крепости. См.: Позднеев Д.М. Торговля в Порт-Артуре. СПб., 1902. С. 13.

(3) Шаоцзю: кит. 烧酒, это гаоляновые спиртные напитки крепостью 50°, их изготавливали в винокурнях. См.: 旅顺口区志 [Описание местностей района Люйшунькоу] / 大连市旅顺口区史志办公室编 [под ред. Канцелярии местной истории района Люйшунькоу города Даляня]. 大连 [Далянь] / Dalian. 1999. P. 310.

(4) «Палкин» — знаменитый ресторан в Петербурге.

(5) Е.В. Влади — внучка Исидора Никобадзе, заявила, что ее дедушка в 1900 году прибыл в Китай, и он являлся владельцем ресторана «Звездочка». См.: Елена Влади // Молитвы русских поэтов. XX–XXI. Антология. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/molitva/molitvy-russkih-poetov-20-21-antologija/158#source> (Дата обращения: 01.03.2025). Краеведы из Люйшуня подтвердили, что данный ресторан находился в Новом городе.

(6) Данная информация была собрана с 2021 года по 2024 год в ходе полевой работы автора в Люйшуне, где он пообщался со многими исследователями местной истории Люйшуня.

(7) Benjamin Wegner Nørregaard (1861–1935) — норвежский военный офицер, железнодорожный инженер, журналист, дипломат и известный военный корреспондент.

(8) Проституция имела огромное значение для экономики Японии периода Мэйдзи. Государство зависело от доходов с публичных домов для финансирования инфраструктуры и достижения политических целей. Хотя официально рост проституции не провозглашался задачей правительства, интересы властных кругов объективно способствовали расширению секс-индустрии. Эта политика преемственности:

правительство Мэйдзи, как и предшествовавший сёгунат, публично декларировало ограничение проституции, при этом сознательно создавая условия для ее процветания. См.: Amy Stanley. *Selling Women Prostitution, Markets, and the Household in Early Modern Japan*. 2012. University of California Press. P. 193.

(9) Обилие японских проституток на Дальнем Востоке объясняется системой зарегистрированной проституции и бумом выездных работ за границу в 1887–1896 гг. в Японии. Проституция в Японии была легальным ремеслом с эпохи Эдо, но в 1872 году правительство издало «Указ об освобождении всех гейш и проституток», и юридически объявило о запрещении проституции в стране. Такая мера привела лишь к вытеснению проституции в сферу теневой экономики. Изучив систему зарегистрированной проституции в Европе, правительство Японии в 1900 году вновь легализовало это ремесло, в том числе вывоз японских женщин в публичные дома. См.: 井上聖隆, 安武敦子 [Киётака Иноэ, Ацуко Ясутаке]. 「近世～近代における丸山遊郭と柳町遊郭の建築的考察」 [Архитектурное исследование кварталов Маруяма и Янагимачи Юкаку (кварталов красных фонарей) периодов Эдо и Мэйдзи] //『長崎大学大学院工学研究科研究報告』[Доклады Высшей инженерной школы Университета Нагасаки] / Reports of Graduate School of Engineering, Nagasaki University. 2022. Vol. 52. No. 99. P. 9.; 米田富次郎 [Томидзиро Ёнэда]. 『警察三大法令正解』[Правильный ответ на три основных закона о полиции]. 明倫館 [Токио: Мейринкан] / Tokyo: Merinkan. 1900. P. 141.]; 森崎和江著 [Морисаки К.]. 吴晗怡, 路平译 [пер. с яп. на кит. У Ихань и Лу Пин]. 唐行小姐: 被卖往异国的少女们[Караюки-сан: Девушки, проданные за границу] / からゆきさん: 異国に売られた少女たち. 上海: 格致出版社 [Шанхай: Издательство «Истина и мудрость»] / Shanghai: Truth & Wisdom Press. 2022. P. 66–67, 91, 94–97.; 日本向海外输出大批妓女的历史(组图)[История экспорта Японией большого количества проституток за границу (картинки)]. URL: <http://www.ims.sdu.edu.cn/info/1014/9170.htm> (дата обращения: 5.12.2024).

(10) Караюки-сан: яп. からゆきさん, это японки, которые во второй половине XIX века отправились в Китай и Юго-Восточную Азию работать проститутками. Они в основном приехали из Симабары префектуры Накасаки и Амакусы префектуры Кумамото.

Библиография

1. АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1550.
2. Актеры в Порт-Артуре в первые дни войны // Театр и искусство. 1904. № 22. С. 432–433.
3. Верещагин А.В. В Китае. Воспоминания и рассказы. СПб.: В. Березовский, 1903.
4. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: СовА, 2004. EDN: QPCSGR.
5. Дацышен В.Г. Занятия Порт-Артура. К проблеме приобретения Россией колонии на юге Ляодуна // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск, 1996. С. 105–124.
6. Иванов И. Впечатления из военно-походной жизни за время оккупации Маньчжурии в 1900–1903 г. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1907.
7. Козьмин Г. Дальний Восток: воспоминания и рассказы. СПб.: Изд. В. Березовского, 1904.
8. Кравченко Н.И. На войну!: Письма, воспоминания, очерки военного корреспондента. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906.
9. Липкин М.К. Очерки и рассказы из военного быта. Варшава, 1907.
10. Литягина А.В. Досуг в городах России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 136–142. EDN: IBCYEP.
11. Лобач-Жученко Б.М. Порт-Артур. СПб: Типография С.А. Чиколини, 1904.

12. Лысов А.В. Русский Порт-Артур в 1904 году. История военной повседневности. М., 2019.
13. Маленький фельетон // Новый Край. 1904. 11 (24) янв. № 8.
14. Малышева С.Ю. Праздный день, досужий вечер. Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX века. М.: Академия, 2011.
15. Местные известия // Новый Край. 1899. 16 (28) мая. № 20.
16. Местные известия // Новый Край. 1899. 7 (19) августа. № 45.
17. Мустафин В.А. Порт-Артур 1898–1902 гг. // ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 521.
18. Ножин Е.К. Правда о Порт-Артуре. СПб.: издание П. А. Артемьева, 1906. Ч. 1.
19. Норрегаард Б.В. Великая осада: Порт-Артур и его падение: с ил. и черт. / пер. с англ. Борис Серебренников. СПб.: Издание В. Березовского, 1906.
20. Отголоски военных событий // Театр и искусство. 1904. № 6. С. 122.
21. Памятная книжка Квантунской области на 1901–1902 г. Порт-Артур: Типография А.Я. Опарина, 1901. Ч. 2.
22. Позднеев Д.М. Торговля в Порт-Артуре. СПб., 1902.
23. Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сборник документов / сост., авторы введения и комментариев И.В. Лукоянов, Д.Б. Павлов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018.
24. Правление товарищества П.А. Смирнова // Новый Край. 1902. 4 (17) янв. № 2.
25. Преснякова Л.В. Русский театр в Порт-Артуре начала XX века // Обсерватория культуры. 2013. № 2. С. 137-139. EDN: RVSZHB.
26. Преснякова Л.В., Пресняков С.В. Летопись театральной жизни Дальневосточного региона по материалам столичной прессы (конец XIX – начало XX в.). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005.
27. Провинциальная летопись // Театр и искусство. 1903. № 14. С. 308-311.
28. Ресторан "Кронштадт" А.К. Владимирова // Новый Край. 1902. 4 (17) янв. № 2.
29. Стрелок (Козьмин Г.). Китайская жизнь на Квантуне // Военный сборник. 1903. № 3. С. 201-234.
30. Хохлов А.Н. Гастроли капеллы М. Д. Агреневой-славянской в Китае до и после 1917 г. // Общество и государство в Китае. 2015. № 2. С. 677-696. EDN: YLJTAV.
31. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае). СПб: А.Ф. Девриен, 1897 (цензурное разрешение).
32. Э.Л. Мондон // Новый Край. 1902. 1 (14) янв. № 1.
33. Янчевецкий Я.Г. У стен недвижного Китая: Дневник корреспондента "Нового края" на театре военных действий в Китае в 1900 г. СПб., Порт-Артур: издание П. А. Артемьева, 1903.
34. Selling Sex in the City: A Global History of Prostitution, 1600s – 2000s / edited by Magaly Rodríguez García, Lex Heerma van Voss, Elise van Nederveen Meerkerk. Leiden: Brill, 2017.
35. 贺萧 [Хершаттер Г.]. 韩敏中, 盛宁译 [пер. с англ. на кит. Хань Миньчжун и Шэн Нин]. 危险的愉悦: 20世纪上海的娼妓问题与现代性 [Опасные удовольствия: Проститутки и современность в Шанхае двадцатого века] / Dangerous Pleasures: Prostitution and Modernity in 20th century Shanghai. 南京: 江苏人民出版社 [Нанкин: Цзянсуское народное издательство] / Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2003.
36. 日本向海外输出大批妓女的历史(组图)[(История экспорта Японией большого количества проституток за границу (картинки))]. URL: <http://www.ims.sdu.edu.cn/info/1014/9170.htm> (дата обращения: 5.12.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Досуговые практики в городской жизни Порт-Артура (1898–1904 гг.)» представляет собой рассмотрение колониальных практик Российской империи в северо-восточном Китае под несколько необычным углом: культура повседневности, социальная среда, урбанистика и др. Автор справедливо замечает, что в отечественной историографии Порт-Артур традиционно ассоциируется с военно-политической экспансией России в Маньчжурии, вылившейся в итоге в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Иные аспекты истории портового города, находившегося под русским управлением около 10 лет, остаются в тени. Автор данным исследованием частично компенсирует односторонние подходы прошлого, обращаясь к проблемам, лежащим на пересечении социальной и культурной истории: особый статус Порт-Артура как максимально удалённой от центра Российской империи военно-морской базы и одновременно порто-франко на границе юго-восточной Азии определяют особую социальную среду и особые досуговые практики, к рассмотрению которых и обращается автор. Источниковой базой исследования является широкий круг мемуарной литературы, местная печать, архивные материалы. Автор в целом успешно справляется с поставленной задачей, в то же время некоторые вопросы вызывает первый раздел работы, озаглавленный «Тоска по родине»; если второй и третий разделы носят названия соответствующих форм досуговых практик – то есть "культурный досуг" и "сексуальные услуги", то тоска по родине очевидно досуговой практикой не является. В упомянутом же разделе речь идет о гастрономических услугах в целом, и лишь в паре абзацев автор останавливается на связанном с ностальгией и некоторыми другими факторами избыточном употреблении алкоголя, что является важным социально-психологическим наблюдением, однако композиционная логика текста, на наш взгляд, все же несколько нарушена. В заключительной части работы автор указывает, что «городское население было подвергнуто строгой социальной сегрегации по линиям: офицерский состав / нижние чины; российские подданные / коренное население; отчасти военные / гражданские лица..... Эта структурированность социального пространства неизбежно детерминировала сегрегацию досуговых практик». Вероятно, на этой социальной сегрегации, определявшей разнообразие досуговых практик, стоило остановиться в начале текста как на исходном условии рассматриваемых феноменов. Возможно также, автору стоило попытаться сформулировать отличия досуговых практик Порт-Артура как от прочих российских колониальных городов, так и от практик среднестатистического российского провинциального/среднего имперского города. Впрочем, эти задачи могут быть решены автором при продолжении исследования в данном направлению. В целом рассматриваемая работа выполнена на высоком научно-методическом уровне и может быть рекомендована к публикации.